

Еще одно послесловие к Сочинской речи

Мысль о том, что современный мир быстро меняется, банальна до оскомины. С конца 1980-х годов российские и зарубежные аналитики обыгрывали ее на разные лады. Один нетерпеливый западный «пророк» поспешил возвестить о наступлении либерального рая на земле. Впрочем, стоит ли упрекать Фукуяму за его «проницательный» прогноз? Он ведь, как и многие, искренне надеялся если не на великодушие, то, по крайней мере, на прагматизм и честность победителей в холодной войне. Видные представители западного интеллектуально-академического сообщества (не все, разумеется) считали потенциально рискованным добивать поверженного врага, лишая его возможности сохранить лицо. К их мнению вашингтонские политики, опьяненные вселенским триумфом, не прислушались. Спортивная логика, одолев здравый смысл, была абсолютно механистически применена к международным делам. В обоснование принципа неделимости приза (the winner takes it all, the loser standing small) один высокопоставленный американский дипломат в беседе со своим российским коллегой позволил себе сверхдоверительную бестактность: «Мы выиграли, вы проиграли. И точка». Расплачиваться за эту «точку» пришлось очень дорого. И не только Москве. Однако потребовалось время, прежде чем выяснилось, что победа над СССР — не Кубок Стэнли, который нельзя делить.

США принялись, не мешкая, возводить здание однополярного мира, где России, по сути, отводилась роль дисциплинированного гастарбайтера на подсобных строительных работах, но никак не партнера в архитектурной стратегии. Правда, минимальные приличия соблюдались. Ничего не стоившие и ни к чему не обязывавшие, они предназначались для того, чтобы поднять влияние младореформаторской челяди, окружавшей Ельцина. Под ее сладкоречивые нашептывания Борис Николаевич настолько уверовал в свой высокий авторитет на международной арене, что потерял ощущение реальности. Грубо сбитые приставные стулья в клубах избранных казались ему гостеприимными креслами.

Полуиздевательские предложения занять перед камерой, снимающей встречу мировых лидеров, центральное место он воспринимал как отражение действительного положения вещей. Нервический хохот смущенной западной публики по поводу его дирижерских импровизаций подавался кремлевскими имиджмейкерами под снисходительной рубрикой «великие шутят». Сквозь пальцы смотрело на эти карикатурные имитации раскованности и вашингтонское руководство, хотя тамошние политики, из тех, кто еще не до конца утратил представления о благопристойности, расценили подобные чудачества как элементарную распущенность. В Белом доме рассуждали примерно так: пусть дитя тешится иллюзией своей значимости сколько угодно, лишь бы не мешало нашим глобальным планам. А потом (11 сентября 2001 года) грянул гром среди ясного неба. Впрочем, оно уже давно не было ясным. Незримая тень беды витала в воздухе. Десятилетний карнавал всемирной диктатуры либерализма, в буйстве своем не знавший границ, был обречен на тяжкое похмелье. Но даже те, кто это предчувствовал, не ожидали, что закономерным итогом разрушения биполярной системы станет столь неправдоподобно жуткая картина.

Как ни цинично такое сравнение, террористическая атака на башни-близнецы объективно явилась Вашингтону ложкой к обеду. Мир, заметно подуставший от американского произвола, начал роптать устами стран и цивилизаций, не принадлежавших и не желавших принадлежать к англо-саксонской (то бишь общечеловеческой) культуре. Среди них появились претенденты на геополитическую роль, которую некогда играл СССР. Притязания эти выражались по-разному, зачастую принимая своеобразную форму отместки за нестерпимые унижения, причиненные «белым человеком» в колониальную и неоколониальную эпоху.

Самый изощренный по жестокости, сценарному исполнению и дьявольскому расчету последствий способ избрали радикальные ваххабиты. Сюрреалистическая картина оседающих в клубах огня и дыма небоскребов как бы символизировала конец господства нечестивцев и рождение спасительного для человечества проекта «Всемирный халифат».

Однако далеко не все человечество испытывало тайный или явный восторг от такой мироустроительной перспективы, не говоря уже о терроризме как инструменте ее осуществления. Это дало Соединенным Штатам карт-бланш на праведное возмездие. Вашингтон, конечно, ни у кого бы и не спрашивал разрешения на ответный удар. Но моральная солидарность значительной части мирового сообщества была кстати. Россия безоговорочно поддержала США, так сказать, идеологически, и оказала им важную материальную, военно-логистическую помощь, продолжавшуюся много лет. Теперь ясно, что наивно было ожидать от Вашингтона, в виде адекватной реакции, кардинальной внешнеполитической перестройки на российском направлении. Ни о каком равноправном партнерстве американское руководство, имея на руках такой козырь, как борьба с терроризмом, и не помышляло. Американцев, всегда испытывавших большие психологические трудности, когда приходила пора выражать элементарную благодарность не на словах, а на деле, едва хватило на сухую протокольную вежливость. Видимо, сверхдержавный статус отучил Белый дом от такого чувства, как признательность, к вялой симуляции которой он еще может себя принудить в ответ на услуги могущественных государств. Слабые же в лучшем случае достаиваются небрежного одобрительного кивка, удостоверяющего, что их проамериканское усердие великодушно замечено.

Россия угодила в эту категорию, и Вашингтон не скрывал, что уже самим фактом принятия от Кремля помощи и признания его в качестве американского союзника в антитеррористической борьбе ему оказана великая честь.

Вместо благодарности в адрес России последовала целая череда бесцеремонных выпадов, принимавших все более планомерный и опасный характер. Перечислять их нет смысла, поскольку ни одно из враждебных действий Запада не осталось без подробнейшего анатомического обследования со стороны крупных отечественных и зарубежных

специалистов самых разных профилей. При этом внимание аналитиков сосредоточивалось скорее на составлении каталога угроз нашим национальным интересам. И в принципе это логично, ибо угроз становилось так много, что они требовали именно такой, каталожной формы систематизации. Вместе с тем чрезвычайно важны не только количественные параметры этого процесса, но и его сущностная, синергическая направленность. Рассеянные лучи света — обыденное явление в жизни человека. А когда они собраны в мощный лазерный пучок — это уже оружие, способное испепелить все живое.

И эта прицельная, агрессивная доктрина была без обиняков сформулирована госпожой Мадлен Олбрайт: все природные богатства и просторы России — есть общемировое достояние, и эту идею нужно возвести в статус фундаментальной международно-правовой нормы. Иначе говоря, лишит нашу страну суверенитета. На подобные заявления можно было бы не отвлекаться, если бы действия США и ЕС не давали понять, что взят курс на параллельное решение двух проблем: расширение западных военно-политических структур на восток и новый передел постсоветского (теперь уже собственно российского) пространства. Нужна ли еще какая-то другая, более убедительная манифестация глубочайшего сожаления о том, что в 1990-е годы исторический шанс добить Россию был упущен?

Политика *Drang nach Osten* органически вписывалась в стратегию насаждения американского глобального диктата, в технологию строительства однополярного мира, которую Вашингтон, под видом крестового похода против «Аль-Каиды», ужесточил до предела.

* * *

Путин терпел все это семь лет. Доставшееся ему тяжелейшее наследство вынуждало проявлять осторожность как в международных, так и во внутренних делах. Он старался навести в стране хотя бы подобие порядка, укрепить ее жизненно важные тылы. И лишь добившись определенных успехов на этом поприще, Путин (возможно, спровоцированный вызывающими антироссийскими заявлениями Ричарда Чейни в Вильнюсе, май 2006 года) решился на неслыханно дерзкое для Запада выступление в Мюнхене (февраль 2007 года). В этой речи не было ничего принципиально нового, кроме двух самых важных вещей.

Впервые кто-то осмелился сказать в лицо американским лидерам то, о чем знали все, но боязливо помалкивали, получая за хранение секрета Полишинеля разного рода дивиденды. Чтобы хладнокровно произнести то, что произнес Путин, глядя в глаза людям, слывшим хозяевами мира, требовалось, по признанию западных наблюдателей, изрядное мужество. И Путин не оставил сомнений, что с этим качеством у него все в порядке.

Однако самый острый сигнал мюнхенской речи заключался не в ее форме, а в содержании, которое привело адресатов к единодушному выводу: Россия уже не та, и вернуть ее в прежнее состояние будет крайне сложно, а поэтому отныне такую стратегическую задачу нужно переместить на более почетное место в иерархии внешнеполитических приоритетов США и их европейских союзников.

Стрелка барометра российско-американских (и российско-западных) отношений ускорила движение к отметке «непогода». Динамика похолодания стала заметнее по целому ряду признаков, среди которых до поры до времени доминировало морально-политическое давление на Кремль, усиливавшееся в весьма резвом темпе. По периметру границ России продолжалась раскрутка запущенного еще в начале 2000-х годов маховика «цветных революций», призванных окружить нас странами с проамериканскими режимами, подкрепленными военно-политическим присутствием США.

Серьезно подпортил игру обогнавший паровоз грузинский лидер Саакашвили. Его бесславная авантюра в Южной Осетии и Абхазии (август 2008 год) позволила Москве отобрать у Вашингтона важные очки. Бросаться на выручку незадачливому союзнику было бы со стороны американцев опрометчиво. Тем более — накануне президентских выборов в США. На этом политическом вираже американцы планировали наверстать непозволительные для сверхдержавы потери. Ключевой момент здесь был связан не с личностью нового хозяина Белого дома, а с уходом Путина (март 2008 года).

Предложенная Обамой «перезагрузка» сначала показалась конструктивным шагом. Проблема, однако, состояла в том, что за этим эвфемизмом скрывалась конкретная цель — ни в коем случае не допустить возвращения Путина в Кремль. Можно легко понять экспертов, предполагавших готовность новой американской администрации принести хотя бы тактические жертвы ради стоящего дела. Ничего похожего! Более того, на фоне умиротворительной перезагрузочной риторики реальная стратегия Вашингтона приобрела неожиданную для многих ядовито-экспансивную окраску. Досадуя по этому поводу, один западный аналитик назвал курс Обамы «безответственно агрессивным». Был ли в поведении Обамы какой-то сверхтонченный расчет или простое недомыслие, не имеет особого значения в свете итогов российских президентских выборов 2012 года. В адрес Вашингтона, внесшего очевидный вклад в победу Путина, невольно напрашивается классическое: «Ты этого хотел, Жорж Данден?»

А дальше, под аккомпанемент реквиема по перезагрузке, американцы, спекулируя ситуацией на Украине и в Крыму, перешли в массированную атаку против России, кульминационным моментом в которой покуда являются экономические и политические санкции, вполне чреватые более опасными акциями.

* * *

Такова краткая предыстория сочинской речи Путина (24 октября 2014 года), удивляться в которой нечему. Похоже, аналитики несколько преувеличивают ее криптографический подтекст, усматривая в ней невидимые для непосвященных потаенные сигналы. По содержанию и стилистике сказанное Путиным представляется органичным развитием идей, прозвучавших семь лет назад в Мюнхене настолько ясно, что слушатели, немного знавшие русский язык, сняли наушники. В чем-то путинская манера изложения, весьма экономная в употреблении избыточно-образных

средств (если это не пресс-конференция со своими метафорическими приемами), идет в русле лучших образцов советских политических текстов с доктринальной начинкой. Сочинское выступление, понятно, не могло быть копией мюнхенского. В мире все же кое-что изменилось за эти годы, и далеко не в обнадеживающую сторону.

В Сочи Путин сместил акценты, сохранив смысловой посыл.

Мюнхен: «Остановитесь, пока не поздно. Основы мирового устройства и без того слишком шатки, чтобы подрывать их новой холодной войной. Давайте не враждовать, а объединяться перед лицом общих угроз. Не оставляйте протянутую Россией руку повисшей в воздухе. Это оскорбительно для любой державы, а Россия — не любая».

Сочи: «Мы глубоко огорчены намерением США продолжать свое самоубийственное поведение в общепланетарном масштабе, расширять пространство хаоса и углублять конфронтацию с Москвой, не стесняясь прибегать к услугам неприличной публики и четко произносить в адрес Кремля „не ваше дело“ именно тогда, когда возникает ситуация, непосредственно угрожающая нашей безопасности. Нам, после многократных попыток вернуть российско-американские отношения в русло честного и конструктивного диалога, остается одно: не вставая в позу, ни на кого не обижаясь, никого ни о чем не прося, укреплять самодостаточность России (сосредотачиваться) во всех сферах жизни. Мы не желаем изоляции, но и не боимся ее. Мы по-прежнему открыты к любым инициативам, создающим реальную перспективу отодвинуть мировую политику от грани катастрофы».

Переусложненный семантический разбор программных выступлений первых лиц государства — любимое занятие политических обозревателей, не устающих повторять, что в текстах такого уровня «случайных слов не бывает». Все вроде бы верно. Вот только за перечислением и дотошным анализом «неслучайных слов» зачастую теряется простая суть вещей.

Взгляд

Именно ее хотел донести Путин до сознания и сильных, и слабых мира сего: верить в «особенную статью» России или нет — дело сугубо добровольное, а вот уважать национальные интересы независимого государства под названием «Россия» — это уже категорический императив, пренебрежение которым не останется без ответа, прямо пропорционального искушению вести против нас игру без правил.

Владимир Дегоев — профессор МГИМО-Университета, специально для [ИА REGNUM](#)

Подробности: <http://www.regnum.ru/news/polit/1864676.html#ixzz3Mu9DGkgT>

Любое использование материалов допускается только при наличии гиперссылки на ИА REGNUM